

Анастасия МАСКЕВИЧ,

*участник писательской резиденции на тему «Литература нон-фикшен
и документальная поэзия в поисках казахстанской идентичности»*

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА: ЖИЗНЬ – ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Документальная проза была достаточно популярна задолго до нашего поколения через биографии, мемуары, письма, эссе и даже жития, но вопрос художественной ценности, так же, как и разграничения художественного и документального, оставался без должного внимания. Лидия Яковлевна Гинзбург и другие ученые ситуацию значительно улучшили, но до появления автофикшена оценить значимость документальной прозы всё же не удавалось до конца. Именно это направление, появившееся еще в 1970-е и заразившее весь мир в 2010-е, показало, как нужно рассказывать о себе и о событиях вокруг. И если автофикшен теоретически исчерпан, то документальная проза определенно должна быть следующим центром внимания исследователей. С установкой на искренность и художественно-субъективной организованностью документальная проза идеально вписывается в современную эпоху метамодерна – эпоху переходных и промежуточных жанров, в которых жизнь выигрывает истории. И эквалайзер возможных сочетаний художественного и исторического кажется неиссякаемым, когда погружаешься в историю стран, народов, городов и даже деревень.

Почему же меня занимает эта тема: почему я выбрала именно эту тему эссе? В резиденции я собираюсь работать над произведением, посвященным истории депортации поляков. Мысли о создании этого текста преследуют меня давно, всё это время главной препоной становится выбор жанра и направления. Мне бы очень хотелось сохранить важные факты этой трагедии, но и исследовать человеческую суть через природу страха, объединив это в истории жизни моего прадедушки. Мне важно показать, как страх запечатывает воспоминания самой жертвы и как влияет на три последующих поколения: дети жертв этих событий перенимают страх в принятии жизненных решений, их внуки в полной растерянности перед независимым государством замыкаются на языке, и уже правнуки стирают память о прошлых событиях, разрывая связь с молчаливыми дедушками и бабушками. Так происходит с большинством, это тоже важно отметить, а что влияет на появление других примеров – мне еще предстоит изучить. Пока я хочу понять, насколько направление документальной прозы подходит для этого проекта.

Несмотря на неактивные теоретические поиски, весь XX век на свет выходили отличные образцы документальной прозы: биографий, мемуаров, дневников. Здесь хочется отметить произведения второй половины прошлого столетия: книги из серии ЖЗЛ Медеу Сарсеке (он описал жизнь известных ученых Казахстана), автобиографию астанинского публициста-фронтовика Александра Казанцева «Пунктир воспоминаний» или книгу Луизы Свитич «Целинная журналистика времен хрущевской оттепели». Много интересного об Астане можно еще узнать из книги Андрея Дубицкого «Город на Ишиме» (1968). Из самого масштабного могу вспомнить документальную повесть В. Ф. Михайлова «Хроника великого джута» (1995). Со всеми этими книгами мне посчастливилось встретиться и познакомиться подробно, и, думаю, это было не случайно.

Большая искренность прослеживается в произведениях, касающихся трагедий. Неслучайно Т. А. Костюкова связывает всплеск документальной прозы с веком мировых трагедий и социальных трансформаций в России. Такое мнение только указывает на факт человеческой природы: обнажать и разбираться в своих чувствах только через экстремальные и даже смертельно опасные ситуации. Даже сейчас я часто встречаю людей, которые именно через эти ощущения приходят в литературу.

В случае с авторами, которые идут по следам трагических событий, всё сложнее, список их мотивов и проблем разнообразнее. Одна из них в том, что авторы сталкиваются с проблемами «памяти» и «устной истории», здесь этап исследования темы может стать интереснее самой книги. К теме депортации поляков я пришла через собственный кризис социальной идентификации, но чтобы изучить эту тему, мне понадобилось написать магистерскую диссертацию (и я всё еще не уверена, что вижу картину целиком). Тем не менее теперь я осознаю, что мне предстоит писать о большом событии, которое затронуло жизни миллионов, и о котором мало кто знает.

И если проблеме «памяти» и «устной истории» я для себя решила, проведя исследование, то проблема организации и языка повествования мне никак не дается. Я вижу конфликт того времени в столкновении абсолютно разных ментальностей: советской и «природной» (какая была у депортированных из Украины поляков). Одни хотели упорядочить и упростить всё, что казалось им сложным и поэтому опасным. Другие вообще не знали, что с ними что-то не так, были доверчивыми и подчинялись страху. Одни говорили на строгом, пафосном языке, избегая заимствований, и насаждали его везде (в том числе и для удобства). Другие говорили на комфортном языке, подстраивали речь под обстоятельства межкультурной коммуникации. И я всё время спотыкаюсь, воссоздавая эти два мира, потому что сама я вижу его только в обрывках. Смесь польского, украинского, русского и других языков, на котором говорили мои предки, уже сильно вытеснена советским русским в речи дедушек и бабушек. Два мира уже соединились.

Из рассказов и интервью, из немногочисленных дневников и записей песен тот «природный» язык украинских поляков я чувствую так же, как это представлено в недавно изданных при поддержке консульства США путевых заметках Мухтара Ауэзова «Воспоминания об Америке». Это очерки-воспоминания самого Ауэзова о поездке в США в 1960-м году совместно с Леонидом Леоновым, Олесем Гончаром и поэтом Степаном Щипачевым. Сам генеральный консул США увидел в этих очерках сходство между двумя народами – казахами и американцами (дневники были представлены в оригинале и в английском переводе), меня же тексты известного романиста действительно удивили двуязычием в литературном смысле этого слова. Я и в жизни слышала, как смешивают казахскую и русскую речь, но только во время прочтения этих дневников появилось ощущение органичного сплетения, плавного перехода от одной языковой картины к другой. При этом Ауэзов ломает привычный синтаксис русского языка, оставляет то, что ему нужно, и не стесняет себя грамматическими рамками. Самое интересное для меня в дневнике – это способ повествования, настолько похожий на естественную речь, что сомнений в правдивости написанного не возникает вовсе.

Еще одним «путем искренности» в документальной прозе можно считать способ структурирования информации, последовательность размещения фактов, мнений и оценок, где последние оказываются далеко не меньшей

частью. Здесь можно привести в пример произведения уже совсем недавние: сборник эссе Юрия Серебрянского «Книга о вкусной и здоровой казахстанской литературе» и книга «Батыр. Live» о жизни музыканта Батырхана Шукенова. Эти произведения показывают, что новому поколению писателей-документалистов не нужны громкие трагические события, чтобы показать эмоции, чувства, человеческие взаимоотношения, достаточно правильно оформить повествование и снабдить его достойным изобразительным сопровождением. Поэтому и мне не хочется описывать миллионы смертей и постоянное чувство голода, чтобы вызвать жалость и сочувствие. Мне хочется, чтобы у депортированных народов было свое место в истории, и чтобы их потомки уже ничего не боялись.

Зайтуна КДРАЛИНА

ЖУРАВЛИНЫЙ ПУТЬ БЕЛЬГЕРА

Семилетним мальчиком Герольд Бельгер попал вместе с семьей в казахский аул. Попал как спецпереселенец по сталинскому указу «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года. Мальчик тогда не знал, что этот затерянный в глубине степей казахский аул на берегу Есиля станет для него родным, что в будущем он напишет более ста книг и будет думать и писать на трёх языках: русском, казахском и немецком. Не знал того, что здесь, в ауле, он чуть не погибнет от ужасной болезни, и ему придётся бороться за жизнь всем существом, всей силой духа, и он победит. Не мог он знать и того, что будет переводить самые известные романы с казахского языка на русский, а его самого, его книги будут любить не только казахи, немцы, русские, но и другие – все, кто соприкасался с его творчеством. Не знал, что похоронят его в 80-летнем возрасте на Кенсайском кладбище в Алматы, на горе, обдуваемой вольными ветрами Заилийского Алатау, а его фамилией назовут улицы в городах Казахстана, и в школах будут читать и обсуждать его книги.

Чем же так привлекает Г. К. Бельгер современных читателей? Почему о нём говорят на каждом углу: упоминают в политических дебатах, на тоях и торжественных собраниях, в школах, университетах и академиях? Взрослому поколению он известен острыми публикациями в газете «ДАТ» – в годы перестройки почти каждый казахстанец с нетерпением ждал очередного выпуска газеты с «Плетеньем чепухи» Бельгера, а детям – по рассказам «Волк, Чапа и другие. Рассказы о людских судьбах и братьях наших меньших». В этих рассказах глазами мальчика описан военный и послевоенный быт аула, из последних сил выживающего в годы Великой Отечественной войны. Выживающего, несмотря на голод, бескормицу, похоронки – «қара қағаз»¹. Тема жизни и смерти присутствует во многих рассказах писателя, но это не основная мелодия, а затаённый трагический фон. Никакого пафоса или лозунгов,

---

¹ Қара қағаз – чёрная бумага.